

Что русскому хорошо...

Знакомство

— Познакомься, Лена, это Хорст, немец из ГДР, он немного понимает по-русски,- представил Гриша мужчину лет тридцати пяти, с белесыми глазами, бесцветными ресницами и такими же неопределенного цвета кудрявыми волосами.

Опять приволок какого-то хмыря, подумала Лена, но улыбнулась и сказала:

— Здрасти!

— З-д-р-а-в-с-т-в-у-й-т-е! — тщательно выговорил немец.

Гриша с семьей буквально вчера перебрались в новый дом, в котором не то что водопровода или газа, а даже электричества еще не было. Освещение — керосиновая лампа, вместо печки — костер во дворе. Благо на улице было тепло, стоял июнь месяц, до холодов надеялись все удобства подключить.

В таких обстоятельствах не до приема гостей, тем более иностранцев.

Но делать нечего, собрала Лена на стол, что было, пригласила гостя к столу.

Тот руки показывает, мол, помыть бы.

Ё-моё, умывальника тоже пока нет, сами то умывались над помойным ведром, поливая друг другу из ковша. Само собой, то ведро особой чистотой не отличалось, да и ребяташки ночью нужду в него справляли и все такое.

Но делать нечего, жестами поманила Лена белоглазого, мол иди сюда, мыло дала, на ведро с помоями указала и отвернулась воды в ковш набрать, поворачивается, а немец тот руки намылил, в ведро помойное опустил и моет-намывает.

— Вот же сволочь бестолковая, а еще иностранец — прошипела Лена, в надежде, что немец не поймет, затем вытащила его руки из помоев, заставила снова их намылить и тщательно помыть, обильно поливая холодной водой из ковша.

— Я не ест сволощ, я ест Хорст — смущенно пролепетал гость, вытирая руки полотенцем.

Вот так и познакомились.

Русская горчица

Работал Хорст каким-то небольшим начальником на обустройстве газового месторождения. Иностранцев тогда на освоение богатого месторождения понаехало пруд пруди: немцы и англичане, чехи со словаками, венгры, болгары, итальянцы и индийцы, даже негры были.

Особенно радовались этому обстоятельству местные проститутки. Раньше их не ценили, даже оскорбляли, называли бля...ми, а тут такой спрос образовался, что только успевай обслуживай, да и оплата достойная, в инвалюте, в долларах то есть.

Много в то время девушек легкого поведения за иностранцев замуж повыходили, за границу жить уехали. Вот так вот. Для наших — бл..ди, а для них — высший сорт. Чудеса!

Хорст был человеком женатым, с местными проститутками не водился, брезговал, наверное, а может, просто боялся подхватить какую-нибудь болячку.

В свободное от работы время он частенько наведывался в гости к Грише, уж очень ему хотелось побеседовать на русском языке. Весело было наблюдать за этой парочкой, когда они пытались что-нибудь рассказать друг другу. Словарный запас у собеседников был невелик, Григорий в школе не очень-то усердствовал на уроках немецкого, Хорст, в свою очередь — русский изучал, но как он говорил «чуть-чуть».

Незнание языка компенсировалось жестами и выразительной мимикой, а если уж совсем непонятка выходила, то в ход шла тяжелая артиллерия — ядреный русский мат.

К концу вахты Хорст довольно сносно мог разговаривать на великом и могучем, по крайней мере, Гриша его понимал.

Раз в три месяца наш иностранец летал домой в Германию, на отдых значит, к семье своей. График такой у немцев был — три месяца работа, один месяц отдых.

Возвратясь с отдыха, приходит камрад к другу своему, да подарков целую кучу приносит. Радуются все, особенно ребяташки, конфеты да орешки заграничные пробуют.

Лена кинулась на стол накрывать, гостя дорогого встречать.

И тут выясняется, что за время своего отдыха Хорст частично утратил свои скромные познания в изучении русского языка. И опять в ход пошли жесты и мимика.

Но наваристый борщ с говядиной, котлетки да блины, соленые огурчики с помидорчиками и холодная водочка в переводе не нуждались, и так все понятно — пей, закусывай, кушай на здоровьице.

А накануне Лена горчицу приготовила, на огуречном рассоле, крепкая получилась горчичка, откроешь банку, так в нос и шибает, до мозгов достает.

Ясное дело, стоит та горчица на столе, мол, кушайте, кто желает. Хорст её увидел, да и спрашивает:

— Вас ист дас? Что мол такое?

Ребятишки побежали за словарем, перевели.

Немец самодовольно покачал головой и говорит:

— Да, да, горчиц. В Германия тоже есть горчиц. Я любить горчиц.

Затем берет кусок хлеба, толстым слоем намазывает на него горчицу и в рот...

Это не опишешь, это надо видеть. Слезы, сопли, вытаращенные глаза, покрасневшее лицо, кашель, хрипы. Мама дорогая! Хорошо не обмочился мужик.

Чуть отдышавшись, матерился так, что не всякий русский сумеет. Получается, наша горчичка помогла ему память восстановить.

У них, у немцев, горчица тоже есть, да только разве то горчица, ни вкуса в ней ни крепости. Тьфу!

Самогон

Как-то раз нагнал Гриша самогону. Хороший получился самогон, на сахаре да на дрожжах. Очищенный, отфильтрованный, на грецком орехе настоящий, ну чистый коньяк, да и только. А уж крепкий, зараза, градусов семьдесят, не меньше.

Жена у Гриши — баба непьющая, одному пить — удовольствия никакого, а тут, кстати, друг заграничный в гости пожаловал, соскучился, видать.

Ясное дело, как с товарищем не выпить.

На закуску жареные грибы с луком, да маринованная большими кусками капуста, нафаршированная красным перцем и чесноком, скажем прямо — не закуска, а мечта. Вкуснотища необыкновенная!

Бедный Хорст. Лучше бы он сначала выпил. Но он начал с грибов и капусты. То ли голодный был, то ли интерес к новым блюдам проявил, кто знает.

Пока гость угощался, Гриша нетерпеливо ерзал, держа в руке граненый стакан, щедро наполненный самогоном, пытаясь объяснить другу, что сначала надо выпить, а уж потом закусывать.

И достучался. Хорст с подозрением взял стакан, понюхал, сморщился...

— Пей, пей, хороший самогон, сам делал. — уговаривал Гриша — Давай за дружбу народов!

— Давай за дружбу — повторил Хорст и сделал большой глоток.

Батюшки мои, что было!

—Vergifteten! Vergifteten! (отравили, отравили-нем.) — задыхаясь, орал немец, выскакивая на улицу.

Летели с него и грибочки с луком и капустка с перцем, рвало чуть не до крови.

Убежал к себе и до свидания не сказал.

Думаете, больше он не пил самогон! Ага, сейчас! Гриша кого хочешь пить научит. Только в дальнейшем он для Хорста послабее свое зелье разводил, видишь, слабая у немца натура оказалась, не по нутру ему градусы наши.

Краска

Как-то раз приходит Хорст в гости к другу, а того дома нет, отлучился куда-то ненадолго. А Лена ходит по дому, на голове платок, на платке пакет полиэтиленовый, сверху шаль.

— Лена, что это?

— Да я волосы хной покрасила, теперь надо часик другой подождать, чтоб краска пропитала — пытается объяснить ему Лена, но он пожимает плечами, мол, ничего не пойму.

Тогда Лена достает пачку с хной, показывает на неё и спрашивает Хорста:

— Хочешь, давай заодно и тебе волосы покрасим, а то вон какой бесцветный. Согласен?

Хорст утвердительно кивает.

Развела она хну на крепком луковом отваре, чтобы у волос оттенок золотистый был. Одевает перчатки, поднесла чашку с краской к немцу.

— Давай, подставляй кудри свои, красить буду.

Тот наконец понял, в чем дело, вскочил.

— Nein, нет, нет!

— Вот зараза нерусская, только зря краску на тебя перевела, а она ведь денег стоит, целый рубль — возмутилась Лена.

Тут и Григорий домой вернулся.

Смеялись потом. А краску, хоть и жалко, да выкинуть пришлось.

— - - -

Впоследствии, каждый раз, когда Хорст летал к семье на отдых, в качестве гостинца он брал с собой бутылку самогону, несколько пачек горчичного порошка (рецепт приготовления ему Лена записала) и упаковку махорки для отца. Как выяснилось, его отец был на войне и с тех пор полюбил русскую махорочку.